

Родосская О.П.

ШКОЛА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Я прошла поступать в Ленинградскую художественную школу в 1966 году, когда училась в шестом классе общеобразовательной. Художественная школа находилась тогда у Смольного, в старинном двухэтажном особнячке, и с моего родного Голодая, иначе, острова Декабристов, нужно было проехать весь маршрут «шестого» автобуса. Неожиданные для меня вступительные экзамены давно прошли. Так мне сказали двое преподавателей в коридоре школы, к которым я обратилась с вопросом. Несмотря на мое опоздание, они предложили показать свои работы. Я принесла с собой несколько альбомных листов с рисунками на сюжеты древнегреческих мифов, как я понимаю сейчас, очень смешными и наивными. Эти рисунки, действительно, развеселили преподавателей, а может быть, они увидели в них что-то стоящее, потому что один из них, показавшийся мне очень высоким, с костистым, скуластым лицом и залысинами широкого лба на гладко зачесанных назад волосах, с необыкновенно пронизательным взглядом, предложил второму, невысокому и коренастому, с окладистой бородкой и веселыми, ласковыми глазами, взять меня в свою группу, и тот согласился. Так меня приняли в школу, как я потом узнала, Георгий Николаевич Антонов, недавно ставший ее директором, и мой первый учитель Василий Сергеевич Гусев. У Василия Сергеевича я проучилась два года из четырех, составлявших тогда курс обучения в школе. В моей памяти Василий Сергеевич остался очень мягким и ласковым человеком, спокойным и веселым. Как преподаватель, оно не показался мне особенно строгим и требовательным. Из занятий с ним я помню пленэр в саду Смольного монастыря, где мы писали деревья, а на перемене со страшным грохотом бегали по проваливающимся полам монастырских келий (корпуса тогда ожидали ремонта), и я упала, ободрав себе всю щеку.

Из интерьеров того здания школы я помню только старинный витраж на лестничной площадке и два гипсовых слепка статуи Диониса, стоявших, кажется, по сторонам входа на второй этаж. У одного из них был отбит кончик носа и пририсованы графитным карандашом мушкетерские усы и бородка, что делало его похожим на Арамиса. Я часто подходила поближе полюбоваться на него, стоявшего прямо на полу.

После второго года обучения я сделала неудачную попытку поступить в Серовское училище и в третий класс пришла уже в высокое угловое здание на канале Грибоедова, за Казанским собором, которое целиком заняла наша школа. Там был вестибюль с гардеробом и большим зеркалом, просторный класс лепки на первом этаже, огромный зал для просмотров с паркетным полом, маленький кабинет истории искусств в темном коридорчике напротив туалета и много классов-мастерских со светлыми полукруглыми окнами. На последний этаж вела узкая винтовая лестница в толще стен, и там находился класс, где моя группа стала заниматься с нашим новым преподавателем – Татьяной Александровной Ганжало, только что начавшей работать после окончания училища. Я тогда еще не знала, что Татьяна Александровна была ученицей Георгия Николаевича. Она, совсем юная, миловидная, с черной челкой и высоко подвязанным жгутом волос, оказалась очень серьезной и строгой. Из ее занятий мне особенно запомнились уроки композиции, когда, например, Татьяна Александровна читала нам «Русалочку» Андерсена, чтобы каждый выбрал для себя понравившийся момент и начал работу, слушая текст. Помню, моя композиция на тему «Русалочки» - танец Русалочки на свадебном корабле принца, оказалась удачной и была послана на какую-то международную выставку, когда я уже окончила школу и получила об этом открытку-уведомление.

Хочется вспомнить всех преподавателей, у которых мне довелось учиться. Рисунок у нас вел Эдуард Андреевич Фролов, невысокий, с рыжеватой шкиперской бородкой, в щегольском клетчатом пиджаке, очень спокойный, даже какой-то невозмутимый. «Рисунок – такая же наука,

как математика», говаривал он. Однако учил нас определять размеры и пропорции «на глаз» и лишь потом проверять их по карандашу на вытянутой руке. Сначала мы рисовали гипсовый рельеф, потом части лица Давида, тоже из гипса, и уже после - гипсовую же голову гудоновского Вольтера. На эту сложную голову для облегчения начального этапа Эдуард Андреевич надевал капроновый чулок, чтобы детали и мелочи нас не отвлекали, а пропорциональные отношения и освещенность плоскостей стали яснее и отчетливей. Рисовали мы и «настоящий» человеческий череп в трех положениях, и голову пожилого натурщика, и натурные наброски друг друга. Позднее, когда я уже работала зрителем в Музее-квартире Бродского, Эдуард Андреевич зашел в музей, узнал меня, мы душевно поговорили, и я с сожалением узнала, что он больше не работает в школе.

Последний год обучения наша группа занималась у Власты Францевны Факторовой. Чешка по рождению, жительница Праги, она закончила ленинградскую Академию художеств, и я слышала позднее от своей музейной коллеги какой яркой, заметной среди тогдашних советских студенток была Власта – с медно-рыжими волосами, в клетчатой юбке и черном свитере, на котором эффектно смотрелись керамические или деревянные украшения художественной работы. Она вышла здесь замуж, стала членом ЛОССХа, участвовала в выставках работами маслом и преподавала в нашей школе. Дверь ее класса с большим полукруглым окном выходила в выставочный зал. Строгий и уже опытный преподаватель, Власта Францевна ставила красивые и сложные натюрморты, на летней практике водила нас на пленэры в Павловск, в Ботанический сад, в Александро-Невскую Лавру. Часто она приносила на занятия роскошные альбомы по искусству, и мы все вместе смотрели и делились впечатлениями. Однажды она попросила одну из учениц с характерным профилем и гладкими светлыми волосами, пришедшую на занятия в красном платье, написать с нее этюд и восхищенно повторяла, глядя на нее: «Это же настоящий Пьеро делла Франческа!» Власта Францевна говорила с заметным акцентом, переставляя ударение («без двадцати шесть», «что это ты тут написала»), меня она называла «Олга». Однажды она подарила мне билет в Филармонию на концерт ансамбля "Мадригал" под управлением Андрея Волконского, и я, увлекавшаяся тогда балетными спектаклями Малого оперного театра, впервые услышала живую старинную вокальную и клавишную музыку, которую пела моя любимая Консуэло и прекрасная Полина Виардо. Я с благодарностью вспоминаю это сейчас. Как-то раз темным осенним вечером мне довелось переезжать Неву в автобусе вместе с Властой Францевной, и она сказала мне: "Посмотри, фонари на набережной похожи на бесконечный ряд старинных канделябров. Длинные полосы их отражений на воде - это свечи, а сами фонари - это пламя свечей". Я не сразу смогла представить это, но с тех пор, когда смотрю с моста на эту картину, вспоминаю Власту Францевну, открывшую ее моим глазам, и уже не могу видеть ее иначе. Часто после занятий мы вместе выходили на Невский, и она воскликнула: "Кто напишет мне Невский красиво! Может, ты, Олга?" Но я не оправдала ее ожиданий - никаких успехов мне не удалось достичь... После окончания школы, когда я уже работала в музее рядом, на площади Искусств, я стала приходить вечерами в школу "пописать" - в просмотровом зале ставили натюрморты специально для таких, как я, уже выпущенных из школы. Власта Францевна подходила к своим "бывшим" и сказала мне: "Олга, что с тобой - как будто карандаш никогда в руках не держала!" Я не долго приходила в школу, а вскоре Власта Францевна навсегда вернулась в родную Прагу, взяв с собой двух дочек - Катю и Яну, так кажется, их звали. Потом до меня доходили вести о ней - она увлеклась там керамикой и с большим успехом, но больше я ее никогда не видела.

В соседнем классе занималась Наталья Александровна Орлова, один из самых ярких и талантливых педагогов нашей школы, отдавшая ей более сорока лет жизни, всю свою любовь, преданность и талант. Они с Властой Францевной дружили, именно через нее я получала потом

вести из Праги - письма, телефон, поездки, а тогда Наталья Александровна частенько заходила в наш класс. Я всегда во все глаза смотрела на нее, еще совсем молодую - цыганистую, с резкой, страстной манерой говорить, одевавшуюся в фольклорном стиле, одновременно вдохновенно и продуманно. Вообще, наряды всегда серьезно обсуждались как произведения искусства, что почиталось полезным для развития художественного вкуса, параллельно с обсуждением работ учеников. Позднее, когда я сама пришла работать в школу и вновь очутилась в ее стенах рядом с Натальей Александровной уже как коллега, она по-прежнему, спустя тридцать лет, оставалась настоящим мастером в этом искусстве, и теперь уже мои наряды становились предметом профессионального и нелицеприятного анализа. Необыкновенно интересно было говорить с ней обо всем – о художниках, книгах, фильмах, политике, педагогике, любви, о жизни и смерти. Собственное ее творчество – книжные иллюстрации, акварельные натюрморты, пейзажи разнообразной техники – все было насыщено какой-то философской глубиной и сложностью, отличалось индивидуальной манерой письма, авторским почерком. Она училась когда-то у замечательного художника, настоящего мастера Геннадия Дмитриевича Епифанова. Эта манера, требующая углубленной, трудоемкой и продуманной работы, оказывала сильное влияние на учеников Натальи Александровны – их акварели и рисунки всегда можно было узнать среди множества других.

Все годы моей учебы в школе и многие после бесценно преподавала лепку Нателла Ивановна Чекмез. Мы, дети, звали ее Натальей Ивановной, и она казалась мне похожей на героиню актрисы Н.Мышковой в фильме «Дом, в котором я живу» своим милым изяществом и необыкновенным сиянием светлых глаз. Очень внимательная, мягкая в общении, с тихим голосом и натруженными, в глине, руками, она вела занятия в большой мастерской на первом этаже. Особенно интересным запомнилось задание – трехпланный рельеф на гипсовой пластине. Сюжетом я выбрала свой любимый тогда балет «Лебединое озеро»: на первом плане – Зигфрид и Одетта, на втором – кордебалет лебедей, на третьем – пейзаж с озером. Лепили части лица Давида, фигуры, загрунтованные белилами и расписанные – я тоже выбрала танец, цыганку с бубном. Других своих работ не помню. Много лет спустя я оказалась со своим маленьким сыном далеко от дома и присела на скамейке в каком-то садике, где гуляла со своим маленьким внуком Нателла Ивановна. Мы не сразу узнали друг друга – за почти тридцать лет обе изменились, но встреча показалась нам обоим настоящим чудом. А несколько лет назад этот самый внук Миша закончил курс обучения в нашей школе, но я это тоже осознала не сразу.

Однако самые важные для меня воспоминания касаются занятий по истории искусств и трех ее преподавателей. История была в общеобразовательной школе моим любимым предметом, а соединение истории с искусством стало для меня чудесным подарком. Первой учительницей была Татьяна Петровна, немолодая уже, рассказывавшая нам удивительные истории - о романтической женитьбе ван Дейка в Англии, об изображенном на фронте манежа на Университетской набережной профиля "того самого д,Артаньяна" и много другого, чего я нигде потом не находила. До сих пор помню ее определение декора окон эпохи классицизма - "сандрики, сандрики с полочкой, сандрики с полочкой и фронтоном", и ее блестящие глаза, казавшиеся странно большими за толстыми стеклами очков. Вторую учительницу, очень молодую, работавшую в школе всего один только год, звали Анна Генриховна Каминская. Ее отличала холодноватая, чуть отстраненная, что бы не сказать надменная манера общения и разговора, что при утонченной неординарной внешности, рождало впечатление какого-то особого аристократизма, ощущение причастности к старой петербургской культуре "серебряного века". Много позже я узнала, что Анна Генриховна - внучка Николая Николаевича Пунина, дочь Ирины Николаевны Пуниной, преподававшей моим однокурсникам историю русского искусства в Академии художеств, та самая Анечка Пунина, отроческие годы которой прошли близ Анны

Андреевны Ахматовой. Именно на ее уроках я поняла, чем хочу заниматься в своей жизни. Я делала доклады на ее занятиях, стала собирать репродукции шедевров живописи - мечтала создать альбом и подарить школе. Альбом остался в мечтах, но на искусствоведческий факультете в Академию я поступила и однажды встретила Анну Генриховну в академической научной библиотеке, радуясь и гордясь своей новой с нею общностью.

После Анны Генриховны историю искусств у нас преподавала Элина Васильевна Долина, пришедшая сразу после института и отдавшая школе более тридцати лет. Тогда ее облик, словно сошедший со старинного портрета - взгляд, овал лица, гладкая прическа темных волос, поразил мое девчоночье воображение, повлияв на формирование моих вкусовых пристрастий. Кажется, именно Элина Васильевна стала преподавать историю искусств систематизированно, по учебным планам. На ее уроках началась демонстрация диапозитивов на экране с помощью эпидиаскопов. До сих пор в школе сохранились как память наборы слайдов и аппараты "Свет" и "Этюд".

Из преподавателей, у которых я не училась, помню Веру Евгеньевну Рябову, высокую, худую, немного нескладную и всегда какую-то грустную, и Галину Петровну Ефимову, молодую, черноволосую, активную и деловую, в розовом костюме, бывшую тогда завучем.

Хотелось бы вспомнить и имена моих соучеников разных лет - Ира Введенская, Женя Курдов, Саша Загоскин, Володя Преснов, Витя Айзенберг, Оля Рыженкова, Белушкин и Кудашкин, последние - ужасные шалуны, вечная проблема Власты Францевны. Я не уверена, что правильно привожу их имена - тогда я знала их на слух. Фамилии Курдов и Преснов прекрасно известны в художественно среде, но ни о ком из названных здесь людей я сейчас ничего не знаю. Как-то на летней практике у Власты Францевны я познакомилась с Риммой Залмановой, кажется, одной из учениц Натальи Александровны Орловой. Я в те годы носила фамилию Андреева и, возможно, кто-нибудь из моих соучеников вспомнит меня.

О двух девочках, учившихся вместе со мной и ставших профессиональными художниками, хочется сказать особо. Одна из них, Лариса Морошкина, училась в группе У Татьяны Александровны Ганжало, очень способная - помню ее необыкновенно красивую композицию на тему бажовского "Каменного цветка". Ларису забрал из школы отец-художник, считавший, что учеба в школе мешала развитию ее таланта. Тогда мы все бурно переживали ее уход - очень тихая, застенчивая, скромная Лариса всегда молчала, часто краснела от смущения, и нам казалось, что она не хотела бросать школу. Много лет спустя я узнала, что став настоящей художницей и членом ЛОССХа, она по неизвестной причине трагически ушла из жизни. Вторая девочка, Ольга Недзвецкая, моя тогдашняя и нынешняя подруга, из группы Татьяны Александровны перешла в СХШ, закончила ее и затем графический факультет Института им. Репина. Сейчас она - член СХ, интересный книжный график, автор многих замечательных листов станковой графики - тонких, лирических акварелей и пастелей, пейзажей Пушкиногорья и средней полосы России.

А в моей жизни был потом факультет теории и истории искусств Института имени Репина и три десятилетия работы в Музее-квартире И.И.Бродского, филиале Н.-И.Музея АХ СССР, - научно-методической, хранительской, экскурсионной, замужество, дети. В школу я изредка заходила - виделась с Георгием Николаевичем, показывала свои рисунки Наталье Александровне, чтобы услышать ее нелицеприятные оценки и советы. Через нее я узнала об уходе с работы по состоянию здоровья Элины Васильевны - это совпало с подготовкой к переезду школы по новому, нынешнему ее адресу и получила предложение работать вместо нее. Я пришла в школу, встречалась с новым директором - Ниной Егоровной Вуколовой, но к моему великому сожалению, семейные обстоятельства не позволили мне перейти на вечерний режим работы. Около трех лет историю искусств преподавала Елена Михайловна Миронова, довольно случайный для школы человек, уволившаяся в 2003 году, и я вновь узнала от Натальи Александровны о нужде школы в

преподавателе. Теперь семейные и служебные дела мои сложились так, что я смогла оставить прежнюю работу, хотя до сих пор не понимаю, как я решилась расстаться с академическим музеем. За два года до этого к своему пятидесятилетию я была награждена почетной грамотой Министерства культуры РФ и поздравительным приказом дирекции и удивила весь музей своим решением так неожиданно изменить свою профессиональную судьбу. Но какая-то внутренняя потребность, неясная мне самой, была сильнее разумных доводов и опасений. Посещение нового помещения школы и собеседование с новым ее директором, Владимиром Нисоновичем Семеновым, который тоже, кажется, не мог понять мое решение, завершили мой переход. И вот, с осени 2006-2007 уч.года я преподаю в школе историю искусств и, по установившейся с давних пор традиции, обслуживаю школьную библиотеку, уникальную по своему составу и ценности. В школе я стала коллегой Татьяны Александровны Ганжало и Нателлы Ивановны Чекмез, у которых училась, и Натальи Александровны Орловой, которую глубоко уважаю и которой восхищаюсь, а также замечательных молодых преподавателей, многие из которых, как и я, учились когда-то здесь. Меня ожидало много профессиональных трудностей - я никогда раньше не преподавала, но мне всегда помогали делом и советом мои новые сослуживцы. За годы работы в школе я трижды подтверждала на аттестации высшую профессиональную категорию. Работа с учениками - уроки и все, что с этим связано, сейчас является для меня главным делом.

И последнее. Школа позволила мне в своих стенах сделать выставку моих рисунков - плод многолетнего увлечения, в основном, иллюстрации к любимым книгам, которые я никогда не надеялась показать, тем более - профессиональному зрителю. Моя подруга и художница, Ольга Недзвецкая, посмотрев выставку, только заметила: "Твою манеру сразу можно узнать - как ты рисовала в школе, так и сейчас рисуешь!" А Наталья Александровна сказала мне: "А знаешь, ничего смотрится - я думала, будет хуже..." И это были лучшие похвалы для меня!

Май - июнь 2018 год